

Герберт Хьюит

РОЖДЕННЫЙ С МЕЧОМ В РУКЕ

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ
ЭДУАРДА ПЛАНТАГЕНЕТА
1355—1357

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Герберт Хьюит

Рожденный с мечом в руке.

Военные походы Эдуарда

Плантагенета. 1355–1357

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618985

*Г.Хьюит. Рожденный с мечом в руке. Военные походы Эдуарда
Плантагенета. 1355 – 1357: Центрполиграф; Москва; 2010*

ISBN 978-5-227-02271-4

Оригинал: H.Hewitt, "The Black Prince's Expedition"

Перевод:

Ирина А. Петровская

Аннотация

В своей книге автор не только рассматривает политику и стратегию ведения войны Эдуардом Плантагенетом, прозванным Черным принцем, но и оценивает всю кампанию в целом: состав войска, снабжение его продовольственными ресурсами, обеспечение должного уровня военной дисциплины, подробное описание вооружения и обмундирования воинов и многие другие составляющие средневековой армии. Эдуард Плантагенет остался в истории наследным принцем, сумевшим внести достойный вклад в развитие своей страны. Возможно, если бы его ранняя смерть не помешала ему стать королем Англии, этот вклад был бы куда значительнее.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1	12
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Герберт Хьюит

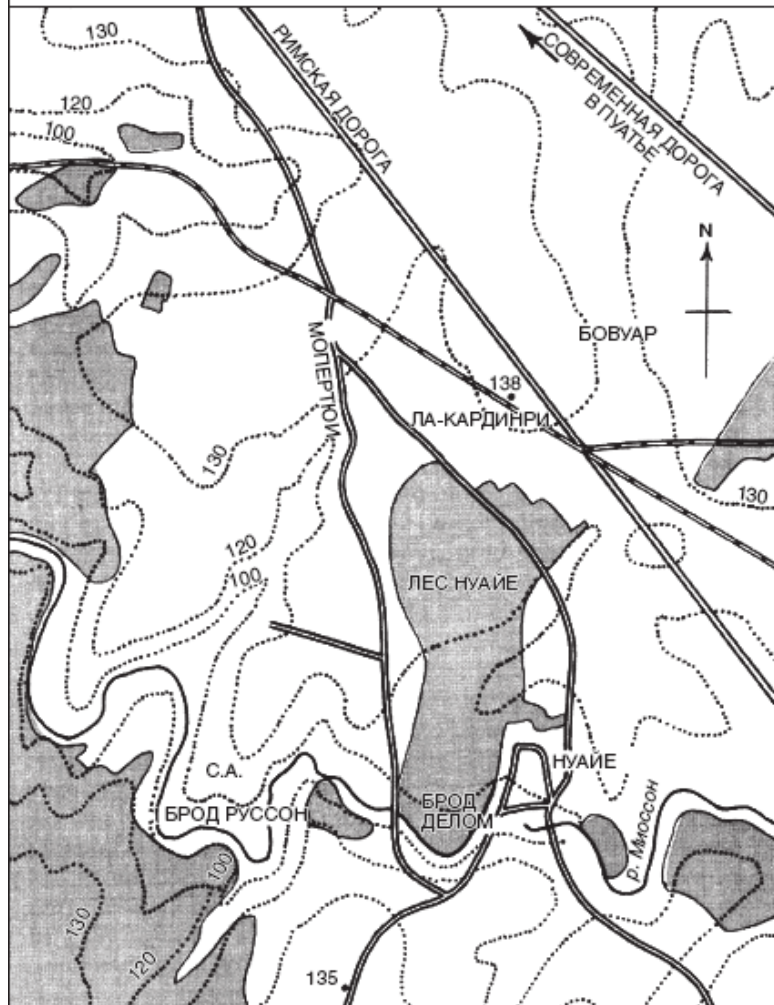
Рожденный с мечом в руке.

Военные походы Эдуарда

Плантагенета. 1355 – 1357

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ПУАТЬЕ

АНГЛО-ГАСКОНСКИЕ ВОЙСКА СТОЯЛИ НА СЕВЕРНОМ КРАЮ ЛЕСА НУАЙЕ
ЛИЦОМ К СЕВЕРО-СЕВЕРО-ЗАПАДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой работе я не старался внести вклад в историю военного искусства: тогда мне пришлось бы ограничиться исследованием уже хорошо изученной темы. Но это не было и попыткой заполнить пробелы в трудах Омана, Лонгмена, Макиннона, Таута, Беллока, Денифля, Молинье, Делашеналля, Лота. Для этих авторов экспедиция 1355 – 1357 годов была всего лишь одним эпизодом в сложной истории XIV века, и каждый из них, разумеется, выбирал для рассмотрения только те аспекты событий, которые имели отношение к его теме. По сути, они описывали только одну военную сторону этой экспедиции, а поскольку ее целью была борьба за права (на французскую корону. – *Ред.*) Плантагенетов, следовательно, это было военным давлением на подданных короля Франции, а преимущественно применяемый метод – уничтожение. Может показаться, что достаточно изучить только военные действия, чтобы описать экспедицию принца для британской национальной истории. Однако люди, из которых состояло войско Черного принца, были заинтересованы не только в том, чтобы сражаться, но и в том, чтобы захватить добычу и пленных. Кроме того, они понимали, что должны вернуться в Англию, и вернуться со своими ценными пленниками и награбленным. Этим сторонам экспедиции принца до сих пор уделялось слишком мало внимания. Ис-

торики не занимались также чеширскими лучниками, двумя переездами по морю, вознаграждениями за службу и не интересовались тем, что во время экспедиции Эдуард показал себя не только как военачальник, но и как государственный деятель.

Таким образом, существует возможность составить более многостороннее описание этой экспедиции, чем уже существующие исторические повествования. Пытаясь это сделать, я почувствовал, что не следует слишком подчеркивать чисто военные и политические аспекты, хотя их роль и важна; что наилучшая услуга, которую в этом случае автор может оказать читателю, – это изобразить поход принца «весь в целом» – так, чтобы читатель смог представить себе это сообщество посланных в чужую страну людей, их различное происхождение и различные причины участия в походе, их прежний опыт и вознаграждения за службу, а также их боевые дела.

Эти обстоятельства определили форму предлагаемой читателю книги. Первое, конечно, – это характер и количество данных, доступных для изучения. Второе, хотя я старался сделать свое исследование почти всесторонним, я не стал рассматривать в нем финансовую сторону экспедиции по двум причинам: она неразрывно связана с финансированием всей войны, и она рассмотрена в отдельном специальном исследовании, которое сейчас уже далеко продвинулось. Но главным основанием для этого все же было мое собствен-

ное представление о том, что нужно, чтобы обеспечить единство этого труда и пропорциональность его частей.

О битве при Пуатье написано так много, что я бы предпочел вообще не рассматривать ее. Но сделать так означало бы лишить экспедицию принца ее самого славного эпизода, а повествование – того единства, которого я желал добиться. Поэтому я применил здесь тот принцип, которому следовал во всей работе: боевые действия заняли свое законное место, но я уделил внимание и другим сторонам этого сражения.

Я сожалею, что не имел возможности воздать должное гасконцам и валлийцам. Гасконцы внушили принцу замысел этой экспедиции, искренне приветствовали ее, помогали осуществить ее во время обоих походов и в битве при Пуатье, а их предводители были деятельными и надежными людьми. Однако не сохранилось данных об их численности, а этот показатель необходим, чтобы оценить, насколько важна была их роль. Что касается уроженцев Северного Уэльса, исследователя и тут ждет разочарование из-за нехватки данных. Сохранился всего один отрывок реестра Черного принца, относящийся к этой области. Если бы у нас были разделы реестра за 1557 и 1558 годы, мы, вероятно, нашли бы там «почетные упоминания» и интересные данные о наградах, сравнимых с теми, которые получили чеширцы.

Я обошел французские библиотеки в поисках трудов научных обществ и местных историков и имел честь встретиться с архивистами департаментов и городов Тулузы, Бор-

до и Пуатье. Я также переписывался с архивистами еще нескольких французских городов. В общем и целом можно сказать, что французские архивы, как национальные, так и местные, содержат мало материала по этой теме и что Дела-шеналь, Муасан, Молинье и Брейль использовали основную часть французских данных. Еще несколько французских работ уточнили неясные места в рассказах хроникеров о походе принца через Лангедок.

Фруассар – ненадежный источник, когда речь идет о подробностях, но его труд необходим исследователю как общая картина той эпохи. Поэтому хроники Фруассара тоже были использованы – надеюсь, с должной разборчивостью; и когда мне казалось полезным процитировать его слова, я, как правило, чувствовал, что перевод лорда Бернера, выпущенный в издательстве Globe, лучше подходит для моих целей, чем пересказ на современном английском.

Для кампаний 1355 и 1356 годов невозможно сделать то, что Роттсли сделал для битвы при Креси. Поименный список, вероятно интересный для специалистов по истории XIV века, можно найти в указателях реестра Черного принца, в календаре патентных списков и в других частях дневника Хенкстуорта.

Попытка описать средневековую военную экспедицию «со всех сторон» вынуждала меня углубляться в административное искусство, дипломатию, оружейное дело, финансы, географию, топографию, юриспруденцию, мореплавание

и еще несколько областей, для которых необходимы специальные познания; и рассчитывать, что в исследовании, когда оно охватывает такую широкую область, не окажется ни одной ошибки, – значит ожидать слишком многого. Многосторонность не достигается без риска.

Г. Хьюит

Глава 1

ФОН ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

Военная экспедиция принца Эдуарда в 1355 году была началом нового этапа Столетней войны, новой главы в истории Гиени (на современных картах – Гюйен. – *Ред.*) и нового этапа деятельности принца.

На начальных этапах этой долгой войны боевые столкновения как на море, так и на суше, как правило, имели исход благоприятный для англичан. Победа при Слейсе (1340) дала английскому королю Эдуарду III преимущество на море и укрепила союз (с фламандцами. – *Ред.*) на севере; при Креси были унижены французский король и его дворяне. (В битве при Креси в 1346 г. разрозненные атаки рыцарской конницы французов, увязнувшей в раскисшем после дождя поле, были отбиты укрепившимися на холме англичанами, прежде всего благодаря их лучникам. – *Ред.*) Захват Кале (1347) дал англичанам важный плацдарм на французской земле, и обе стороны признавали важное значение этого плацдарма; кампании Генриха, графа (позже герцога) Ланкастерского показала, что англичане могут применить свою силу не только на севере (кроме того (английский историк в свойственной англичанам манере об этом не пишет) состоялись осады ан-

гличанами французских крепостей Камбре (1339) и Турне (1340), которые закончились для британцев полным провалом. – *Ред.*). Но эти успехи были слишком незначительными для того, чтобы пошатнуть власть династии Валуа. (В 1328 г. династия Капетингов (по прямой линии) прекратилась, т. к. ни один из сыновей Филиппа IV не оставил после себя мужского потомства. Франция выбрала на королевский престол представителя новой династии – Валуа, младшей линии рода Капетингов. Английский король Эдуард III, внук французского короля Филиппа IV по материнской линии, предъявил свои притязания на французский трон. – *Ред.*) Королю Эдуарду III, чтобы занять французский престол, нужно было более мощное и длительное давление на французов, чем его прежние попытки.

Три обстоятельства помешали ему начать еще одну большую военную кампанию. Первой помехой была эпидемия (чумы. – *Ред.*), которая на какое-то время нарушила общественную жизнь, экономическую деятельность и, естественно, военные действия в Западной Европе. Второй помехой была внутренняя особенность как английского, так и французского общества: ни один из этих народов тогда еще не мог долгое время содержать в полевых условиях большую армию. Третьей помехой была политика папского престола: папа постоянно предлагал свои услуги (с целью достижения мира. – *Ред.*) в качестве посредника. Хотя первоначальные успехи ободрили Эдуарда III, английский король был еще да-

леко от своей цели. Король Франции Филипп VI, хотя и понимал, какие сильные удары получила его страна, не желал подчиниться требованиям (весьма наглым. — *Ред.*) Эдуарда III. Мир был недостижим, но обе стороны были бы рады перерыву в войне. В сентябре 1347 года было заключено перемирие, которое потом продлевали несколько раз, а в ходе встреч представителей Франции и Англии делались попытки заключить мир.

Условия перемирия были простыми. Его должны были соблюдать все воюющие государства и все государства — их союзники; все осады в Гиени, Пуату и Бретани немедленно прекращались; людям, заплатившим за себя выкуп, обеспечивалась неприкосновенность; купцы могли приезжать и уезжать так же свободно, как в мирное время; были назначены люди, которые должны были предотвращать нарушения перемирия. Эти условия оставались, или предполагалось, что должны оставаться, в силе до возобновления военных действий в 1355 году.

1348 — 1355 годы были заполнены активной дипломатической деятельностью с целью добиться постоянного мира. Папы Климент VI и Иннокентий VI из своего дворца в Авиньоне отправляли посланников ко дворам обоих противников, а затем посылали одно письмо за другим, подчеркивая серьезность их задачи, и этим посланникам, и королям, умоляя их склониться душой к заключению мира. По содержанию этих писем видно, что английская сторона все тверже

стояла на своем и что англичане чем дальше, тем сильнее сомневались в беспристрастности посланников. Мир так и не был достигнут. Но перемирие несколько раз продлевалось на год или близкий к году срок.

Однако дипломаты с их искусством переговоров и папский престол с его милосердной помощью не могли предложить королям такое урегулирование спора, которое было бы приемлемо для обоих. Население Франции тогда еще по-настоящему не чувствовало себя единым народом. То, что Аквитанией правил английский герцог, не вызывало возмущения у жителей Гаскони. В большинстве случаев его решения совпадали с чувствами, которые местные жители унаследовали от предков, и с их коммерческими интересами. Теоретически оно не противоречило и феодальному порядку: сеньор не обязательно должен был происходить из того же народа, что и его вассалы. Но на деле это правление противоречило глубинным силам, которые медленно и незаметно вели все части страны, известной под названием Франция, к объединению под властью французских монархов. Положение Эдуарда III не вписывалось в рамки тогдашних норм. Как король Англии он был равен французскому королю; но как герцог Аквитании был его вассалом и по феодальным законам был обязан не только признавать его сюзереном, но и выполнять для него вассальные повинности за этот феодал. Эдуард III иногда был готов отказаться от своих притязаний на французский трон в обмен на формальное признание

независимости Гаскони от Французского королевства. Однако французы ни в коем случае не могли связать себя соглашением о таком признании.

Похожая трудная ситуация существовала за несколько поколений до них, когда английские короли были также и герцогами Нормандии. Французский король Филипп II Август силовыми мерами устранил опасность, которую создавало для Французского королевства соединение этих двух титулов в одних руках. (В начале XIII в. Филипп II захватил большинство английских владений на континенте, в т. ч. Нормандию, закрепив свои завоевания в драматичной, но славной битве при Бувине в 1214 г. и победив превосходящие войска германского императора, графов Фландрского и Булонского и англичан. (В ходе этой битвы французский король был сбит с коня, но пока враги искали в его доспехах место, через которое можно было его поразить, французы отбили своего короля.) В этом же году чуть ранее сын Филиппа II разгромил высадившееся английское войско при Ларош-о-Муан. – *Ред.*) Оставалось только уничтожить, силой или иными способами, опасность, возникавшую из-за наследования герцогства Аквитанского. Юридическое решение спора было дешевле и изящнее, чем явная война. Гасконским подданным короля Англии было предложено обратиться в высший феодальный суд. В лучшем для англичан случае такой судебный процесс подрывал авторитет Эдуарда III, в худшем – землю конфисковали. С помощью таких судебных процессов (прежде все-

го боевых действий. — *Ред.*) французские монархи отгрызали от английских владений один кусок за другим, и это постепенное сокращение английских земель невозможно было остановить. Против экспроприации земель по закону Эдуарду III нечем было бороться.

Но тут стало похоже, что переговоры, наконец, приближаются к заключительному соглашению. В апреле 1354 года полномочные представители королей и два кардинала встретились в городе Гин и составили черновой вариант договора, согласно которому Эдуард III отказывался от притязаний на французский трон, Иоанн II же признавал независимость герцогства Аквитанского. Это означало, что Эдуард III навсегда переставал быть вассалом французского короля. Утвердить этот договор предполагали той же осенью в Авиньоне, а герцог Ланкастерский, епископ Норвичский и граф Арундел получили полномочия обсудить при папском дворе условия окончательного мирного договора. Они приехали туда в сопровождении внушительной свиты и были встречены с показным радушием, но договор не был подписан. Представители Франции отказались от договоренностей, достигнутых в Гине, и результатом встречи было лишь продление перемирия до середины лета 1355 года.

Старший сын и преемник Филиппа VI Иоанн II Добрый (правил в 1350 – 1364 году) заботился о том, чтобы его королевство не дробилось на части, и потому твердо решил не уступать англичанам ни пяди французской территории; но

во Франции были и партикуляристы, которые препятствовали королю в его политике и в то же время создавали возможности для вторжения англичан во Францию. В разное время они давали о себе знать в прибрежных районах Фландрии, Артуа, Нормандии, Бретани и Аквитании. Как раз в это время произошло их очередное выступление на севере: Карл Злой решил перейти от одного сюзерена к другому – он предложил себя в союзники английскому королю. Карл был не только королем Наваррским, но также имел другие весьма обширные владения: Эвре, Мортен, Пор-Одемер, Шербур, Валонь и Карантан, что делало его одним из самых могущественных феодалов Нормандии. Для Эдуарда, уставшего от бесконечных переговоров, Карл со своими интригами был полезной поддержкой в борьбе против французского короля. С ним был заключен договор, и ему было обещано, что к нему на помощь будут посланы войска.

Через несколько недель после этого открылся еще один путь для вторжения англичан. Из Гаскони к английскому королю прибыли несколько феодалов, чтобы пожаловаться ему на образ действий Жана д'Арманьяка, наместника французского короля в Лангедоке, и попросить, чтобы Эдуард позволил своему сыну, принцу Уэльскому, приехать в Гасконь.

Эдуард, довольный тем, что дальнейшие переговоры с французами оставляли мало надежд на приемлемое для него урегулирование спора, и уверенный, что в случае военных действий будет иметь поддержку на французской земле, стал

думать о возобновлении войны. Некоторые его действия в начале 1355 года, возможно, предвещали ту политику, о которой он открыто объявил лишь в апреле. В феврале были реквизированы три корабля для доставки продовольствия в королевские замки в Гаскони. Король и Бартоломео де Бургерш-младший получили от папы разрешение отложить обещанное паломничество в Сантьяго-де-Компостела (в Северо-Западной Испании). В начале марта были отданы приказы реквизировать корабли, чтобы перевезти графа Уорвика и других знатнейших аристократов в Гасконь. Джон де Чиверстон был назначен сенешалем Гаскони¹.

В начале апреля война была объявлена открыто. Папским нунциям, которые приехали в Англию с положенной по обычаю большой свитой, английский король заявил, что не желает продлевать перемирие, поскольку французы за время его действия причинили значительный ущерб его заморским владениям. Он, король, обсудит это с членами своего совета и сообщит о своем решении через своего посланника. Если говорить коротко, с середины лета между Англией и Францией должна была возобновиться война. На заседании совета было решено, что принц Уэльский с английской армией отправится в Гасконь.

К концу апреля административная машина по сбору флю-

¹ Информация о датах не совсем полна. См.: *Calendar of Patent Rolls* (далее – *C.P.R.*), 1354 – 1358, 22, где Джон де Чиверстон назван сенешалем Гаскони в марте 1354 года.

та уже была на ходу, и аристократы, которые должны были сопровождать принца, получили предварительные платежи. 1 июня король в письмах к архиепископам объяснил, что французские послы при папском дворе отказались от соглашения, принятого в Гине, и поэтому он обязан возобновить войну.

Область, куда должен был отплыть принц Уэльский, в английских документах XIV века называется Аквитания, Гиень (Гюйен) или Гасконь, и между этими названиями нет четких различий. Слово «Аквитания», разумеется, использовали как название герцогства Аквитанского, но в записях, в английских хрониках и у Фруассара чаще всего встречается название Гасконь. Но авторы французских хроник и современные французские историки обычно отличают Гасконь от Гиени и в тех случаях, когда необходима точность, обычно используют название Гиень (Гюйен). Воины из союзных принцу войск, набранные в области между Пиренеями и провинцией Сентонж, имели боевой клич «Гиень, святой Георгий!» или просто «Гинь!».

Еще задолго до середины XIV века Аквитания, Гиень и Гасконь перестали быть политическими образованиями и стали единой областью, которую англичане и французы делили между собой. Огромное наследство, которое в XII веке принесла английской короне Алиенора Аквитанская, сократилось до полосы длиной примерно в двести миль, которая

тянулась вдоль побережья от южной части провинции Сентонж (окрестности Рошфора) до Пиренеев, а ширина ее, если измерять от побережья в глубь страны, была от тридцати до шестидесяти миль. Однако частями этой полосы были два опорных пункта стратегии англичан – Страна Басков с Байонной и нижнее течение Гаронны с Бордо. Это был именно тот край, который в прошлом терпел урон из-за французских вторжений, а немного раньше вынес на себе тяжесть агрессии французов, тот край, который позвал англичан на помощь; он должен был стать базой для военных операций принца и своими войсками поддержать его против французов.

Нет ничего удивительного в том, что жители этого края были на стороне англичан. За двести лет, прошедших с той свадьбы, которая объединила герцогство Гиень с Английским королевством (Алиеноры Аквитанской и Генриха Анжуйского, позже английского короля Генриха II), герцог-короли поддерживали и укрепляли верность им их здешних подданных. Генрих II несколько раз приезжал в это герцогство до того, как передал его своему сыну Ричарду Львиное Сердце. Ричард жил здесь больше, чем в Англии. Иоанн Безземельный (который в борьбе с Филиппом II Августом потерял почти все английские владения во Франции), правда, ни разу не посещал Гиень, но Генрих III и Эдуард I прожили в ней какое-то время, и в разное время наместниками английского короля в Гиени были члены или родственники

королевской семьи – Ричард Корнуоллский, Симон де Монфор и Генрих, граф Ланкастер.

Система управления, при которой и сенешаль Гаскони, и констебль города Бордо назначались на свои должности английским королем (и обычно были уроженцами Англии), поддерживала постоянную политическую связь этого края с Англией. Однако многие должности второго уровня занимали гасконцы, в состав королевского совета в Гаскони входили виднейшие местные феодалы. Собрание трех сословий Гаскони обеспечивало дворянам возможность – или по меньшей мере подобие возможности – хотя бы консультировать королевскую власть по поводу чрезвычайных налогов. Аппарат управления в этом краю – как и в любой другой стране – имел много недостатков, но, по мнению месье Бутрюша, «Гиень (с Нормандией) имела самую лучшую систему управления среди великих феодалов того времени».

Помимо этих политических связей, были и личные контакты, помогавшие поддерживать понимание между Англией и ее дальними владениями. Гасконские феодалы бывали при английском дворе, гасконские купцы приезжали в Англию закупать зерно, гасконские виноторговцы постоянно вели дела с английскими купцами, англичане же приезжали в Гасконь по королевским или своим собственным делам, и каждый *наезд* означал приезд в этот край целой толпы англичан – дворян и недворян.

Но самой глубинной причиной такой долговременной

верности гасконцев английскому королю была их собственная выгода. Для них вся вражда англичан и французов была только спором династий или феодалов. (Действительно, в это время абсолютное большинство английских феодалов были нормандско-французского происхождения и, как и английские короли, говорили только по-французски. – *Ред.*) Идея объединения всех, кто живет между Пиренеями и Ла-Маншем, в одно государство под властью короля Франции еще не могла встретить теплый прием на юго-западе. Выражением идеалов жителей этого края был их боевой клич: «Гиень, святой Георгий!» или даже «Гиень!». Герцог Гиени был их природным господином, и они следовали за ним, так что моральные основания их позиции были совершенно ясны. Экономические причины были еще более очевидными. Хотя Гасконь и Гиень (Гюйен) вели большую торговлю с Северной Европой, главным потребителем местных товаров была Англия. В XIV веке Гасконь и Гиень процветали, и каждый английский *наезд* увеличивал это процветание. Английские короли строжайшим образом соблюдали муниципальные и торговые права не только Бордо, но и менее крупных городов, а если возникал спор о правах – что случалось часто, – короли старались примирить спорящие стороны².

Гасконцы в душе были сторонниками своей местной независимости. Полная самостоятельность в то время была невозможна, но под английской властью они имели больше

² См., например Gascon Rolls (Гасконские списки) 66/68 в 6.

свободы, чем дала бы им французская власть, и благодаря тесным связям с Англией местные жители жили богаче, чем могли бы жить при более тесных связях с Францией.

Однако верность делу Англии означала необходимость терпеть нападения французов во время каждого активного периода войны. С 1337 по 1340 год французские войска прошли по долинам рек Гаронна и Дордонь, овладели Сент-Макером и заняли Ла-Реоль, дошли до окрестностей Либурна и Сен-Эмильона, вели яростные бои вокруг Бурга и Бле. Во время перемирия депутация гасконских дворян приехала в Англию (и еще одна такая же депутация должна была приехать в 1355 году), чтобы напомнить Эдуарду III, как им необходима защита, а когда в 1345 году военные действия возобновились, граф Дерби нанес французам ответный удар, вернул недавно потерянные земли и, кроме них, захватил Бержерак, Оброш и Эгюйон.

Положение было выровнено, и во время прекращения (или частичного прекращения) военных действий с 1347 по 1355 год гасконские города, так тяжело пострадавшие во время этих двух походов, были восстановлены и заново укреплены. Но, по сути дела, обстановка была очень нестабильной: здесь между войсками стран-противников не было Ла-Манша, а граница между ними была определена нечетко и менялась под давлением то одной, то другой стороны. Дерби благодаря своей решительной политике отодвинул линию границы в восточном направлении, но в 1351 году он

был снят со своей должности, а его преемник, граф Стаффорд, был не таким энергичным, и вскоре основная часть завоеваний Дерби была потеряна. В конце 1352 года наместником короля Франции в Лангедоке и соседних провинциях был назначен Жан д'Арманьяк. В январе 1353 года он признал и одобрил возвращение в ряды сторонников Франции нескольких предводителей, которые раньше сочувствовали англичанам, а в феврале того же года начал осаду города Сент-Антонен-Нобль-Валь в Руерге. (Графство Руерг находилось к северо-востоку от Тулузы. — *Ред.*) Он также отправил отряды своих войск осаждать города и замки между Ажаном и Периге. Его последующие действия предвещали беду гасконцам. Консулы Ажана приняли меры, создававшие препятствия для экспорта зерна в Гасконь. Штаты Лангедока, которые созвал Жан д'Арманьяк, проголосовали за выделение ему крупной суммы, которую было решено собрать немедленно, а сенешальство Каркасона проголосовало за выделение денег и приняло решение собрать их в три приема, поскольку борьба будет долгой; был также принят ордонанс о том, что каждый мужчина в этих краях должен приобрести себе оружие.

Осада Сент-Антонена была временно прекращена согласно условиям перемирия, но возобновилась в июне 1353 года, когда начались мелкие военные столкновения на обширной территории, главным образом вокруг Бовиля. Ажан прислал двести саперов, которые должны были «идти и причи-

нить вред вражеским землям». Англичане упорно сопротивлялись, города во время боев переходили из рук в руки, но в конечном счете Эгюйон и Презас достались французам, англичане отступили, и к концу 1354 года Жан д'Арманьяк создал силы, угрожавшие английским владениям в Гаскони.

Такой была обстановка, когда гасконские дворяне отправились в Англию, чтобы рассказать королю Эдуарду III о положении дел в их стране. Им было трудно обороняться, но было совершенно необходимо дать отпор натиску Арманьяка, а значит, для этого была нужна помощь английских войск. А поскольку уже более пятидесяти лет ни один английский король и ни один наследник английского престола не приезжал в Гасконь, с политической точки зрения было выгодно, чтобы эти войска возглавил один из сыновей короля, – и действительно, это укрепило верность гасконцев³.

Если же взглянуть на эту ситуацию шире – в контексте всех англо-французских отношений, то она давала возможность англичанам перейти к более широкомасштабным действиям. Грабежи, учиненные Арманьяком и его войсками, породили вражду к французам, достаточно сильную для того, чтобы гасконцы оказали поддержку английскому королю, если бы тот решил нанести из Гаскони удар, который приближал достижение его главной цели. И король Англии мог от-

³ Этот результат был достигнут: *valde confortavit fideles de Vasconia* (что на латыни значит: «очень ободрил верных гасконцев». – *Пер.*). *Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke*, ed. Thompson, E. Maunde (далее – *Baker*), 128.

править туда экспедиционную армию, которая могла не ограничиваться оборонительными и карательными мерами и даже не только контратаковать. Эта армия могла бы продемонстрировать на юге Франции твердость намерений короля Англии требовать французский трон для себя так же ясно, как другие военные операции английских войск продемонстрировали силу его воли на севере страны. Подходящим предводителем для такого похода был наследник престола, принц Эдуард.

В июне 1355 года принцу исполнилось двадцать пять лет. У него был свой дом в Кеннингтоне, был совет, управлявший его поместьями, большой доход (однако недостаточный для того образа жизни, который он вел). Принц не был женат.

Эдуард был наследником престола с самого рождения, то есть испытал на себе те влияния, которые формируют жизнь и характер большинства молодых людей, которым предназначено занять высшее место в стране независимо от того, есть ли у них склонность к этому или необходимые способности. Народ ожидает, что наследник будет уважать законы своей страны, вести достойный его звания образ жизни и играть роль наиболее вероятного преемника их государя с достоинством, великодушием и некоторой долей скромности. Народ также ожидает, что он будет достойно проявлять себя в тех областях жизни, которые в это время считаются подходящими для королевской особы. Если принц не упускает из

виду желания подданных и не потакает слишком явно своим наклонностям, народ высоко ценит наследника, отмечает его достоинства, одобряет добродетели и считает воплощением своего идеала.

Но как только наследник становится мужчиной, для него наступает время испытаний. «Весь мир и вся его слава, – пишет Бегхот, – все самое привлекательное, все самое соблазнительное всегда предлагалось принцу Уэльскому в те дни и всегда будет предлагаться. Было бы неразумно ожидать величайшей добродетели там, где искушения в их самой трудной для преодоления форме действуют на человека в то время жизни, когда его мораль наиболее слаба». Долг борется с удовольствиями. Становится труднее хранить верность идеалу жизни, посвященной великому делу. Часто блестящий юноша незаметно превращается в обычного человека. Однако посредственность не помеха для глубокого уважения. Для того, кто занимает «должность» принца, достаточно хорошо играть роль принца.

В середине XIV века роль принца Уэльского была predetermined, когда этот принц был еще подростком, и стала ясна еще до того, как ему исполнилось двадцать лет. Эдуард III был успешным королем в прямом смысле этого слова. Он был известен своей физической силой, большой любовью к оружию и умением им владеть, блеском своего двора и любовью к церемониальной стороне рыцарства; и он вел во Франции войну, в которой рыцари могли получить награды.

Все это английский народ одобрял. И принц, который желал проявить себя достойно, мог лишь только стараться подготовить себя к той роли, в которой король был доволен собой и получает поддержку дворянства, парламента и народа. Вероятно, эта задача в большей степени соответствовала природным склонностям и дарованиям принца Эдуарда. Она их сформировала, и иного быть не могло.

Ни один наследник престола не имел лучших возможностей изучить искусство быть королем. Принц Эдуард, родившийся от молодых родителей, воспитанный при дворе, учившийся у Уолтера Берли, сэра Уолтера Менни и сэра Бартоломею де Бургерша, знакомый с видными деятелями государства и Церкви, бывавшими при дворе, замещавший своего отца в совете, когда тот был в отъезде, должно быть, с детства был хорошо знаком с государственной машиной, процессом управления страной и основными вопросами своего времени. Он сопровождал Эдуарда III во время вторжения англичан в Нормандию в 1346 году, был посвящен в рыцари на французской земле, сражался при Креси (командовал правым крылом английских войск. — *Ред.*), участвовал в боях вокруг Кале и в морском сражении при Лез-Эспаньоль-сюр-Мер.

Такой опыт можно считать нормальной для Средних веков подготовкой будущего короля к управлению страной. Но к этому времени стали заметны и собственные склонности принца. Он был самым молодым членом ордена Подвязки

и старался играть видную роль в этом высоком обществе. Принц был хорошо знаком с идеалами рыцарского благородства и находился в удобном положении для того, чтобы осуществлять их на деле: одним полем для этого был королевский двор, другим – площадка для рыцарских турниров. Он посещал эти турниры и участвовал в некоторых из них⁴. Принц придумал конструкцию удила для своих боевых коней. Он снабжал членов ордена подвязками, пряжками, наконечниками для поясов и застежками⁵. Для Одли и Чендоса он покупал парами доспехи, обтянутые черным бархатом, а для себя такие же пластины, но бархат на них был красный⁶. Другие подарки – доспехи и коней – он тоже щедро раздавал своим друзьям, которые почти все были старше принца и имели достойные этих рыцарей боевые заслуги до наступления долгого перемирия, которое прервало боевой путь самого принца. Принц Эдуард смотрел на будущее с точки зрения военных подвигов. Через двенадцать лет его стали называть самым рыцарственным из живших тогда благородных дворян – «цветом рыцарства». Фруассар был того же мнения⁷.

⁴ Например, тех, которые были в Элтеме. Black Prince's. The Register of Edward the Black Prince, 4 parts (далее – *B.P.R.*), IV, 124.

⁵ Дата не позднее 1352 года.

⁶ Если бы принц, выбирая цвета, поступил наоборот, мы поняли бы, почему он получил прозвище Черный.

⁷ Это, конечно, было в очень большой степени комплиментом, но он был признан и в других случаях – например, к сэру Джону Чендосу и к армии принца, когда она грузилась на корабли в Плимуте, *Life of the Black Prince*, ed. Pope, M.K.,

и в *Хронике четырех первых королей Валуа* описал его так: «Один из лучших рыцарей в мире, в свое время прославившийся более всех».

Однако в более поздние времена значение слова «рыцарственный» так расширилось, что нам сейчас необходимо указать, что оно означало в XIV веке. В то время главными качествами рыцаря были верность и доблесть. Быть рыцарственным означало принимать сложившийся общественный порядок таким, какой он есть. Рыцарский идеал облагородил манеры при дворе и установил четко определенные правила ведения боя для турниров и даже для войны. Но он не имел никакого отношения к принципу общественного устройства, который был выражен вопросом «Кто был тогда дворянином?». В понятие «рыцарственный» не входила и обязанность проявлять милосердие и сердечную доброту к тем, кто не участвует в боях. Рыцарское благородство было, по сути дела, совместимо с открытым и безжалостным истреблением людей, и вскоре принц проявил холодное безразличие к человеческим страданиям⁸.

and Lodge, E.C. (далее – *Chandos Herald*), строка 611). В «редакции», написанной после смерти принца, Фруассар говорит «che fu en son vivant le plus honnoure' prinche du monde» (на французском языке того времени это, очевидно, означает «который был при жизни самым почитаемым принцем в мире». – *Пер.*)

⁸ Его поведение в Лиможе хорошо известно, но эта черта характера видна и в нескольких эпизодах первого рейда, что принц был «отважен и жесток, как лев» (*Comme uns lyon fels et crueus*) в битве при Пуатье, и ср. с этим *le prince estoit cruels en son air*. (На тогдашнем французском это, видимо, значит «принц имел вид жестокого человека». – *Пер.*) Его отец проявил такую же бесчеловечность во

Жизнь принца в том виде, как ее вел Эдуард, стояла дорого. Однако он не становился от этого менее щедрым. Принц продолжал дарить своим друзьям деньги, лошадей, части доспехов, украшения, чаши золотые, серебряные или из позолоченного серебра с эмалью; не только близким друзьям, но всего лишь знакомым и даже гонцам, приезжавшим от влиятельных особ, он дарил скаковых и боевых коней, выючных и ломовых лошадей, парадных верховых коней. Он тратил крупные суммы на игру (вероятно, проигрывал в кости) и покупал себе очень дорогие украшения тонкой работы. К 1355 году из-за собственных больших расходов и щедрых подарков казна принца была обременена долгами. Поспешно отправлялись в путь гонцы с указаниями собрать и прислать доходы как можно скорее, заключались соглашения о займах под залог будущих доходов. О причинах такой расточительности можно только догадываться. Поведение принца не было недавно возникшей семейной традицией. (Его отец стал королем в шестнадцать лет. Его дед примерно за пятьдесят лет до времени действия этой книги стал королем в двадцать три года и не отличался чрезмерной расточительностью, пока был наследным принцем.) Возможно, это была расчетливая политика, а возможно – нерасчетливая щедрость или просто слабость к подобного рода действиям.

Несмотря на финансовые затруднения принца, его стремление достойно проявить себя в воинском искусстве не

ослабло. Перемирие с Францией длилось около восьми лет. Его завершение обещало в будущем возможность отличиться на поле боя. Принц был рад, что военачальник де Бюш потребовал его присутствия в Гаскони, и попросил короля, чтобы тот позволил ему первому переправиться через море. Король, совет и парламент одобрили обе просьбы.

К XIV веку уже существовало представление, что война в какой-то мере должна вестись по правилам, которые должны соблюдать обе стороны конфликта. Летописцы применяли в своих хрониках выражения «законы войны», «закон оружия», «законы рыцарства»; и хотя, разумеется, никого нельзя было принудить к исполнению этих законов (точнее, международных обычаев), все же эти обычаи были очень прочными, и их нарушение могло быть названо неверным или даже бесчестным поступком. Эти правила ведения войны произошли от двух источников. С одной стороны, всеобщее желание иметь какой-то общепринятый порядок действий в повторяющихся ситуациях (например, при сдаче города) привело к формализации отношений между воюющими сторонами и между победителем и побежденным. Эта прогрессивная мера имела международный характер, поскольку командующие каждой из противостоящих армий считали, что их противник обязан соблюдать эти обычаи. С другой стороны, рыцарство уже было международным понятием, объединявшим все военное сословие на основе соблюдения опреде-

ленных принципов и смягчавшим формальные отношения, установленные законом. Например, по закону пленный был собственностью того, кто взял его в плен, а по правилам рыцарства ему было обеспечено хорошее обращение, пока он находился в плену; по закону от пленного можно было потребовать уплаты выкупа до того, как он будет отпущен на свободу, а по правилам рыцарства пленный мог быть отпущен под честное слово, чтобы отдать распоряжения о сборе денег для своего выкупа.

Законы и обычаи войны не делали различия между теми, кто воюет, и теми, кто не воюет. Как бы ни сожалел об этом наблюдатель (и Фруассар часто сожалеет), но, если город был взят приступом, его жители отдавались на милость победителя так же, как солдаты оборонявшегося гарнизона. Обычно начальник гарнизона и мужчины благородного происхождения оказывались в плену, знатных женщин (если они находились в городе) победители щадили, некоторым богатым горожанам, которые могли заплатить за себя большой выкуп, сохраняли жизнь. Но всех остальных, если им не удавалось спастись бегством, победители могли убить – и часто убивали.

Поэтому жизнь людей, не участвовавших в войне, была под угрозой. Их свобода и имущество тоже не были в безопасности. Когда их захватывали в плен, то уводили из домов для переговоров о выкупе. Командующий вторгшейся армии забирал у людей их скот, зерно и вино и ничего не

платил за них; а золотом, серебром и прочими ценными вещами завладевали солдаты.

По этой причине, хотя воины в очень многих случаях искренне желали сражаться для того, чтобы прославиться своей отвагой, бои были также возможностью обогатиться. Фруассар, подводя итоги битвы при Пуатье, даже объединяет эти две цели, когда перечисляет ее выгоды. Он пишет, что все, кто сопровождал принца, «стали богаты честью и имуществом». Все ожидали, что военные действия должны быть прибыльными, а самую большую прибыль можно было получить, захватывая пленных, которые могли заплатить за свою свободу большой выкуп. Если не вдаваться в подробности, то правило было такое: рыцарь, захвативший пленника, должен был договариваться о выкупе и оставлял значительную часть этого выкупа себе⁹. Знатные пленники иногда долгое время находились в плену, ожидая передачи (наличными) тех сумм выкупа, о которых договорились.

Однако свобода самых знатных пленников могла стать предметом не только финансового, но и политического торга. Поэтому король – во всяком случае, в Англии – оставлял за собой право на владение такими пленными и на ведение переговоров об их освобождении. Тот, кто захватывал такого пленного, разумеется, получал достойное вознаграж-

⁹ Раздел добычи подробно рассматривается и Хэем. Hay, D. *The Division of the Spoils of War in Fourteenth-Century England* (далее – Hay). Это ценное, но, по моему мнению, не полное исследование этого вопроса.

дение. Джон Копленд, сумевший в 1346 году взять в плен Давида, короля Шотландии, был награжден очень щедро, и об этом, должно быть, в армии принца знали все до одного. Томас де Холланд тоже получил крупную сумму денег за то, что взял в плен и передал королю графа д'О. Возможность, что в будущей экспедиции будут захвачены ценные пленники, была формально учтена в скрепленном печатью договоре, который заключили между собой король и принц. В этом договоре даже был пункт о том, что, если в плен будет взят «глава» войны, право на него принадлежит королю.

Нужно также добавить, что с пленными, которых удерживали в плену ради выкупа, обычно обращались хорошо. Если это были рыцари, с ними обращались как с почетными гостями, которые случайно были подданными другого короля. Их могли отпустить под честное слово, а во время перемирия воюющие стороны договаривались о том, чтобы таких пленников пропускали через границы, когда они ехали уплатить часть выкупа или возвращались к тем, кто их захватил в плен, если не смогли внести такой платеж. С заложниками и послами тоже обычно обращались достойным образом.

В общем и целом война была ужасающе жестокой; лучники стреляли с твердым намерением убивать и должны были всеми силами обороняться от одетой в кольчуги и латы конницы, но возникли обычаи, которые руководили поведением воинов, принадлежавших к рыцарскому сословию, и в некоторых случаях облегчали для них тяготы войны.

Для них война в каком-то смысле была игрой или опасным спортом, предназначенным только для дворян. Обучение воинскому искусству было дорогостоящим и трудным. Турниры были прекрасной возможностью для этого и большими событиями светской жизни. Рыцари Золотого руна и Звезды, а также рыцари ордена Подвязки получали приглашения на такие состязания и участвовали в них, и дворяне имели склонность переносить на поле боя те правила, настроение и великолепие, которые царили на рыцарских турнирах. Это было прекрасно и величественно, но это не была война. Эдуард III, хотя и был рыцарем из рыцарей и любил церемонии и роскошь, не одобрял турниры. А король Иоанн, напротив, поощрял их.

Личные подвиги, как на поле для состязаний, так и на поле боя, были не только военными, но и социальными успехами того, кто их совершил, поскольку служили доказательствами его доблести, самого ценного из качеств воина; а доблестью называлось сочетание большого приобретенного умения владеть оружием и величайшей храбрости. Доблесть ценилась так высоко, что полководческое искусство оказывалось на заднем плане. Командовал армией король, один из членов королевской семьи или кто-либо из знатнейших аристократов, но его пригодность для этой должности значила мало; честь доставалась тому, кто сражался храбрее всех. Не было ни какого-либо подобия позднейшего генерального штаба, ни карт, ни точного представления о ресурсах. Ко-

нечно, старшие по возрасту среди рыцарей имели некоторые приобретенные на опыте познания в тактике, но во многих кампаниях не было никакой стратегии¹⁰, и все они сводились к разорению – то есть разграблению территории и унижению ее жителей – земель, по которым армия проходила либо к вражеской столице, либо без ясно определенной конечной цели. У исследователей стало нормой считать эти военные операции не кампаниями, а рейдами, но современники Черного принца не делали различия между рейдом и кампанией. Сам король во главе большой армии в Нормандии или Генрих, герцог Ланкастер во главе армии среднего размера в Гаскони действовали так же, как военачальник более низкого ранга, воевавший на границе с Шотландией. Операции отличались масштабом, но не своим характером.

¹⁰ «Долгие переходы с неясными целями» (*Thompson A.H.* Указ. соч. С. 798); «прерывистость и бесцельность многих средневековых кампаний» (*Tout. Medieval and Modern Warfare*, 24); «Он скорее не был медлительным, а действовал без плана» (*Belloc H. Crücy*).

Глава 2

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Весна и начало лета 1355 года были временем напряженной подготовки к будущей войне. Согласно обещаниям, данным Карлу Злому и гасконским дворянам, были составлены планы перевозки войск в Нормандию и Гиень (Гюйен). Король также заявил, что сам поведет армию против врага. Таким образом, готовились три похода со схожими задачами, но на разных театрах военных действий. Англия никогда раньше не прилагала так много усилий, как в то лето, когда собирала людей, коней, оружие и корабли для продолжения войны с Францией.

Архиепископам, канцлерам университетов и главным должностным лицам четырех монашеских орденов король в немногих словах объяснил причины возобновления войны и попросил их молиться за него и его людей. Одной этой просьбы было достаточно, чтобы все англичане поняли, какова новая политика их монарха.

Другие меры короля коснулись других сторон жизни народа. Было, разумеется, необходимо реквизировать подходящие корабли и собрать их вначале в устье Темзы, а затем в Саутгемптоне или Плимуте. Стало необходимо контролировать, как обычно делалось во время войн в XIV веке, пере-

движение людей, продовольствия и даже изменение цен. Отныне никто не имел права отплывать за море без согласия короля, зерно можно было экспортировать только в Кале. Поскольку потребности крупных военных экспедиций требовали накопления запасов вина и вызывали рост цен на него, был отдан приказ осмотреть все винные погреба Лондона, записать количество хранящегося в них вина каждого сорта и определить, какое его количество следует принудительно продать по установленным ценам крупнейшим феодалам и другим владельцам феодалов, чтобы общенародный труд – подготовка к войне – шел без задержки. Огромный спрос на доспехи вызвал повышение цен и на них. Поэтому было приказано осмотреть лавки оружейников, оценить находящийся в них товар и выставить его для продажи по разумной цене «знатнейшим господам и прочим владельцам феодалов, которые собираются выступить на защиту королевства».

Когда в Англию дошли слухи о том, что французы готовятся уничтожить английский флот и вторгнуться на английскую территорию, в южных графствах были отданы приказы выпускать в море только хорошо вооруженные корабли, в гаванях ставить все корабли близко к берегу, а всем мужчинам этих графств иметь при себе оружие для защиты своего края. На холмах было приказано устроить, «согласно обычаю», сигнальные костры, чтобы местные жители могли быстро узнать о появлении врага и вовремя оказаться «в тех местах, где возникнет опасность».

В мае – июне были набраны участники для тех походов, одному из которых посвящена эта книга.

Армия, которую принц должен был возглавить, делилась на две непохожие части – тех, кто шел с ним самим, и тех, кого привели крупные феодалы, назначенные сопровождать его. Чтобы набрать свою часть воинов, принц сначала отправился в графство Честер, которое уже давно было известно тем, что давало в королевские армии особенно много солдат. Оно управлялось иначе, чем остальная Англия, имело места, где могли скрыться преступники, бежавшие от суда, и уже поставляло большие отряды для завоевания Северного Уэльса, для войн Эдуарда I в Шотландии и для армий, сражавшихся во Франции в 1346 – 1347 годах. Кроме того, люди из Чешира под началом командира-чеширца, сэра Хью Келвели, участвовали в малой войне, которая, несмотря на перемирие, продолжалась в начале 1350-х годов в Бретани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.